

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Оформление серии *С. Груздева*

Издание осуществлено при содействии *Н. Я. Заблоцкиса*

Рой, Олег.
Р65 Шаль : роман / Олег Рой. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Капризы и странности судьбы. Романы О. Роя).

ISBN 978-5-699-92804-0

От Милы ушел супруг. И кто бы мог подумать, что на ее сторону встанет... свекровь! И не только встанет, но и прожить невестка с матерью мужа будут вместе! Этот необычный, редкий для всех времен тандем обусловлен и чувством вины за непутевого Арсения, и заботой о внучке, девочке одаренной и необычной. Но выдержит ли материнское сердце сыновний бунт? Сможет ли свекровь смириться, что рядом с Милой рано или поздно окажется другой мужчина?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92804-0

© Резепкин О., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

■ ЧАСТЬ 1

Москва, июнь 2008-го

Голубой экран телевизора неярко светится, мерцает и постепенно меркнет, все расплывчатее и глуше становится его звук и тихо-тихо угасает... Издалека совсем негромко наплывает мамин голос:

Спи-тко, Володюшко,
Спи-тко, милашенько,
Лю-лю! Лю-лю!
Спи-тко, робенок дорогой,
Ненаглядный, золотой...

Если свернуться калачиком, то в мамину шаль можно укутаться с головой. Нежный пух лезет в нос, щекочет веки, зато тепло и уютно. Наверное, так же хорошо котяткам под брюшком у кошки. Охранит и защитит. Надежно... Спокойно...

Спи-тко подоле,
Вырастешь поболе.
Вырастешь велик —
Станут девушки любить.
Станут девушки любить,
Станут молодухи хвалить.

Олег Рой

...Вот тетя Люба, соседка, она девушка или молодушка? Если вырасти и на ней жениться, то и дочку заводить не надо, у нее уже есть...

Станешь в школу ходить,
Станешь книжки учить,
Выучишься в книге,
Станет батюшко женить,
Станешь свататься к невестам,
Станешь...

За всю свою тридцатисемилетнюю жизнь Володя Степанов так и не узнал, что же там будет после этого «станешь...». Ребенком на этом слове он проваливался в глубокий сон, и его, уже спящего, ничего не слышащего, укутанного в мамину пуховую шаль, переносили из кресла перед телевизором — в постель.

Утром он забывал спросить: что же там бывает после сватанья к невестам?

А потом жизнь завертелась, набирая обороты, и из глубокого сна, постоянно возвращавшего в детство, его, как правило, вырывал противный звук электронного будильника. И опять ситуация с невестами оставалась неразгаданной, таинственной, неясной. Хотя жизненный опыт уже кое-что подсказывал, но сомнения все же оставались: а вдруг? А если что-то? Мало ли...

Вот и сегодня, продлись хоть чуть-чуть сон, и он бы узнал, услышал бы продолжение песни. Но будильник был безжалостен и неумолим: Володя проснулся на булькающем водяном матрасе в своей обустроенной в стиле «техно» квартире. А квар-

тира была в знаменитом своей неприступностью для простого смертного доме на Кутузовском проспекте Москвы. День ему предстоял преотвратительнейший. Да что там говорить, просто гадкий и мерзкий. Как эта летняя, но вопреки законам природы холодная, дождливая погода за окном.

И это еще при всем том, что он не знал, духом не ведал, не догадывался, что именно сегодня, волею ли случая, провидения ли, жизнь его круто изменится. Помимо его воли в силу странных, неподвластных ему обстоятельств она потечет по иному руслу. И платить ему за все происходящее придется самой высокой ценой — возможно, своей или чужой (это пока еще чужой, а потом уже и близкой, ближе и родней, чем своя) жизнью. Быть может... Но пока он не знал этого, и плохое настроение у него было совсем по другому поводу.

Ну, что там скрывать, он терпеть не мог оправдываться! Еще в детстве дед наставлял его: «Оправдывается тот, кто не прав. А кто не прав, бывает бит». Эта дедова заповедь запала в память на всю жизнь, стала правилом поведения, непреложным законом. И сейчас назойливо липла-вспоминалась, не хотела отпускать... А ведь придется оправдываться. За тем и встреча назначена. Может, еще и бит будет. Ну, допустим, фигурально. А то и натурально. Миша — художник. Талантливый. А у художников, особенно у талантливых, драться — это второе после живописи увлечение. Этаким действенный способ общения. Но все-таки, скажите на милость, как можно быть неправым, помогая другу? Правда, помогая тайно. Но это для того, чтоб не обидеть, не уязвить его гордость. А получается, что ты высокомерничаешь, снисходительно кидаешь подачку. И разве

докажешь, что это совсем, совсем не так. Ну вот, сегодня тайное должно стать явным, и объяснить, как все это получилось, будет очень трудно.

К месту предстоящего «аутодафе» (ресторан «Пирамида» не знал, не ведал, что ему отведена столь мрачная роль), даже не подозревая о душевных терзаниях хозяина, Володю Степанкова важно и уверенно нес черный, сверкающий никелированными деталями огромный джип — краса и гордость преуспевающей и процветающей фирмы. Он бережно покачивал в своем огромном чреве водителя, аккуратно, но настойчиво теснившего автомобили помельче. Покачивал и близнецов-охранников, бдительно высматривающих через затемненные окна гипотетических киллеров, которые могли коварно затаиться в разношерстной толпе прохожих. И, разумеется, покачивал и самого главного — шефа, сегодня отчего-то печального, задумчивого, явно чем-то встревоженного.

Справа проплыл великий пролетарский поэт, вскинувший в приветствии руку и, видимо, подсказавший своему тезке из джипа что-то неслышное для остальных. Ибо тот вдруг встрепенулся и отдал команду:

— Останови-ка у подземного перехода на Пушкинской. Дальше я сам. Сегодня все свободны. Завтра — как обычно.

Хлопнув дверцей и оставив свиту в недоумении, Степанков двинулся к подземному переходу, запахивая пиджак и раскрывая зонтик.

Он и сам недоумевал, почему вдруг решил выйти здесь. Позже, гораздо позже, когда станет рушиться его мир, так тщательно, скрупулезно созданный его трудом, изматывающим и

круглосуточно напряженным, он вспомнит этот бросок в подземный переход. Что его столь властно вытолкнуло тогда из машины? Так некстати прерванный сон? Необычная для этого времени года погода? Ноющее, как зубная боль, нежелание встречаться с Михаилом? Сейчас он наспех объяснил себе это тем, что мог опоздать, если бы поехал на машине до разворота в этом медленно текущем потоке. Опаздывать, да еще в сложившейся ситуации, было бы просто... было бы просто... просто...

Он встал как вкопанный. Обернулся. И как-то сомнамбулически пошел назад. Там, неподалеку от старух, торгующих букетиками, и мальчишки, раздающего рекламные листки, стояла женщина в пуховой шали на плечах. Той, маминной — или точно такой же — пуховой шали. Он только что прошел рядом с ней.

Женщина стояла прямо, придерживая на груди пушистую шаль. Она ничего не продавала, у нее не было картонной таблички с накорябанными словами жалостливой просьбы. Седые волосы собраны в пучок, бледное лицо напряжено. Она с усилием вытягивала шею, словно выискивая кого-то в потоке прохожих. Вот она устремилась к какому-то солидному мужчине, резко протянула руку, словно выбросила ее перед собой. От неожиданности мужчина отшатнулся, неловко зацепил ее портфелем и заспешил дальше. Женщина просила подаяния. И явно не умела этого делать.

Степанков увидел, как она зажмурилась, потом открыла глаза, повернулась и пошла было вниз, в подземный переход, на ходу вытирая слезы. Но, пройдя несколько шагов, остановилась, выпрямилась и решительно направилась на прежнее место.

Ему была видна ее прямая спина, обтянутая шалью. Женщину никто не замечал. Бабки болтали между собой, мальчишка бойко атаковал прохожих.

Степанков застыл, он не мог двинуться с места. Ему мучительно хотелось подойти к незнакомой женщине, зарыться лицом в мягкий пух шали, вдохнуть знакомый запах и сказать:

— Мама...

Он чувствовал этот запах отсюда. Он почувствовал бы его за тысячу метров среди многотысячной толпы. Шаль непременно должна была пахнуть духами «Красная Москва». Куда она делась потом? Как-то бесследно исчезла из его жизни. Бесследно ли...

Он подошел к женщине, мягко взял ее за локоть. Она испуганно отпрянула. В ее глазах с покрасневшими веками читался испуг.

— Простите, можно с вами поговорить?

— Я вас слушаю... — Голос ее звучал хрипловато, как у долго молчавшего человека.

— Здесь неудобно, зайдем куда-нибудь.

Женщина послушно пошла за ним. На Тверской они вошли в первое попавшееся кафе. В маленьком зальчике у единственного окна, выходившего на улицу, был свободен столик. Здесь они и присели.

Через улицу, сквозь морозящий дождь Степанков видел освещенную «Пирамиду». Там у окна сидел тот, к которому он ехал на встречу еще десять минут назад. Володя оглянулся в поисках официанта. За баром у кассы стояли девушки в красно-желтой форме. Официантов здесь не полагалось.

— Давайте знакомиться? — Володя внимательно посмотрел на женщину.

Она продолжала кутаться в шаль и, словно выглядывая из пушистого кокона, с интересом осматривалась. Сквозь бледность худого скуластого лица с правильными чертами проступил неяркий румянец. Наконец она внимательно, но с усмешкой взглянула на него.

— Возраст дает колоссальные преимущества, молодой человек. В молодости я бы себя чувствовала по-дурачки. Прикидывала бы, что вам надо, кто вы такой. А теперь я заинтригована, но спокойна. Со старухи взять нечего. Меня зовут Зоя Павловна.

— А меня Владимир Иванович Степанков. Простите... Это, наверно, не мое дело... В общем, я видел, как вы пытались просить милостыню. Ясно, что это не ваше основное занятие. Понимаю, это не повод для знакомства, но если вы не против, расскажите, в чем дело? Только, секундочку, — здесь, я вижу, самообслуживание. Что вам принести?

— Чай с сахаром и пирожок с яблоками, — женщина слабо улыбнулась, — это их фирменное: наш ответ «Макдоналдсу».

Степанков направился к стойке, женщина посмотрела ему вслед. Симпатичный, ладный, ухоженный — все качественное, дорогое. Как у ее сына Арсения. Густые светлые волосы, недавний загар, карие глаза.

Степанков вернулся с подносом, поставил на стол стаканчики с чаем и тарелочку с пирожками.

— Знаете, Володя, — можно я вас так буду называть? — раз вам любопытно, значит, это вам нужно. Я расскажу. Дейст-

вительно, я просила подаяния. И действительно, делала это впервые в жизни. История, в общем-то, простая, житейская.

«Ну, нет, — подумал он, глядя на ее вздрагивающие пальцы, мнущие пластмассовый стаканчик, — не все так просто... как это хочется ей показать».

— Дело в том, — продолжала между тем Зоя Павловна, — что у меня есть внучка. Девочка, как вам сказать... особенная. У нее через две недели день рождения.

— И что? — удивился Володя.

— Да-да, конечно, это не повод, чтобы просить деньги на улице. Дело не в дне рождения... Все гораздо сложнее... Понимаете, Володя, Лизонька — способная пианистка. Ей вот-вот исполнится тринадцать лет. Она учится в хорошей музыкальной школе. Школа платная. И... у нас нет денег на последний класс. В другую школу мы ее перевести не можем... Но это, впрочем, целая история, вам ни к чему.

— Вы живете вдвоем с внучкой?

— Нет, втроем. Мой сын оставил семью.

— И вы живете с внучкой и невесткой?

— Да. Моя невестка — переводчица, берет работу на дом, иногда переводит фильмы или какие-нибудь деловые переговоры. Словом, зарабатывает от случая к случаю... Конечно, денег не хватает. Иногда очень... Моя пенсия, ее неопределенная зарплата, пособие девочки... За учебу надо платить за год вперед. Мы продали все, что можно было продать. Я собрала все, что у меня было... Не хватает шестисот долларов.

Чай из стаканчика расплескался. Зоя Павловна стала промокать лужицу салфеткой.

— А отец? Что с ним? Он что — неплатежеспособен?

«Надо затормозить, не напирать... Что это я, она же не партнер по бизнесу, уклоняющийся от договоренности. Просто незнакомая, симпатичная пожилая дама, немного склонная к истерике. Это бывает. У нее наверняка есть родственники, взрослые дети... Так что не мое это дело», — думал он, тем не менее продолжая задавать вопросы.

Зоя Павловна грустно смотрела на Степанкова и только плотнее куталась в шаль.

Он же злился на себя, но ничего не мог поделать — расспрашивал, расспрашивал, расспрашивал...

А там, через улицу, за стеклом «Пирамиды», грозившей сегодня стать его лобным местом, словно виделся плотный затылок человека, который ждал его.

— Вы торопитесь? — Зоя Павловна успокоилась, разлитый чай впитался в салфетку. — Ничего, все хорошо... Спасибо вам, я высказалась, отвела душу. Теперь понимаю, мой поступок — просто сумасбродный, безрассудный порыв. Мы справимся. Невестка не знает, что я вышла попрошайничать. Ей стало бы плохо. Ведь она запретила мне просить деньги у сына. Говорит, что дано, то и дано.

— Я принесу вам еще чаю.

Потом они пили чай и ели (надо сказать, вкусные) пирожки. Зоя Павловна откинула наконец шаль, мелкими глотками прихлебывала из стаканчика, а Степанков смотрел на ее худые руки с мелкими коричневыми крапинками и видел, что они все еще слегка дрожат. На тонких пальцах со слегка утолщенными суставами нет колец. Такие же руки были у мамы, всю жизнь

проработавшей машинисткой в заводууправлении. Давно не видел он стариковских рук, не разговаривал со старшими. У себя на работе привык командовать. Там в основном были молодые секретарши с яркими ногтями или женщины среднего возраста, чьи руки с пальцами, унизанными кольцами, клали на его стол бумаги на подпись. Не отрывая взгляд от «таких маминых» рук, он рассеянно слушал, как Зоя Павловна, не торопясь, как-то безразлично и устало рассказывала ему о сыне. Тот занимался бизнесом, у него была фирма, которая «процветала» и «раскручивалась». Начинал он с продажи компьютеров, теперь торгует еще чем-то, она уже не знает, чем. Но часто видит из окна кухни, как Арсений выходит из соседнего подъезда, садится в новую машину и уезжает. Иногда с охраной, иногда с какой-нибудь девушкой. Раньше девушки менялись. Последние полгода это одна и та же девушка. Она рада, что у сына все, как видно, хорошо. Но все же у него такая семья, которую нельзя было бросать. А он бросил, решительно и бесповоротно.

— В вас говорит женская солидарность. Мужчины не могут объяснить, почему они уходят от жен. Даже родной матери, — вступился за незнакомого Арсения Степанков.

— Не в этом дело. Я родила Арсения тоже не в первом браке. Муж вскоре после его рождения умер, а не ушел к другой... Это я бы поняла. Но нельзя бросать детей. Особенно таких, как наша Лиза.

— Но если девочка талантлива, усидчива, она не пропадет.

— Это долго объяснять, да и зачем вам знать о наших делах. Вот лучше ответьте мне: раньше все было нашим, всеоб-

щим, как нам говорили, да и на самом деле все обстояло почти так. Потом все стало принадлежать каким-то бандитам, «кабанам» и «шепелявым», как говорил мой сын. А теперь как-то сразу вдруг все перешло к чему-то обезличенному — к холдингам, банкам, консорциумам. Мне постоянно кажется, что за затемненными окнами дорогих машин ездят люди-призраки. Они ничего не понимают в нашей жизни, у них пустые глаза и, простите, нет души.

Мой сын как раз стал одним из них, он такой же, с пустыми глазами. А может быть, я сама виновата в том, что у меня нет денег... — Зоя Павловна опять стала нервно стягивать пушистую шаль на груди.

— Да ладно вам, Зоя Павловна, такие рассуждения уведут нас далеко. Вы преувеличиваете. У вас талантливая внучка, сноха, или как там... невестка нормальная. Сын, в конце концов, жив, здоров и процветает.

— Дело в том, Володя, что Лиза родилась почти слепой. Мы ее упорно лечили. Мила даже ездила с ней в Израиль. Тогда сын еще не ушел от нас, и деньги были. Не помогло. Нам предложили сдать ее в интернат, пока она маленькая. Это специальный интернат для слабовидящих детей. Лиза прожила бы всю жизнь среди таких же, как она. Если бы выжила. Она была еще и слабенькая, все время болела. Вы не представляете, что мы пережили. В нашем роду, да и у Милы тоже, я хорошо знаю ее родителей, никаких патологий не случалось. Откуда взялась эта напасть? Ума не приложу.

В детстве в маленьком городе, где он вырос, Степанков слышал подобную историю. У маминной подружки был слепой